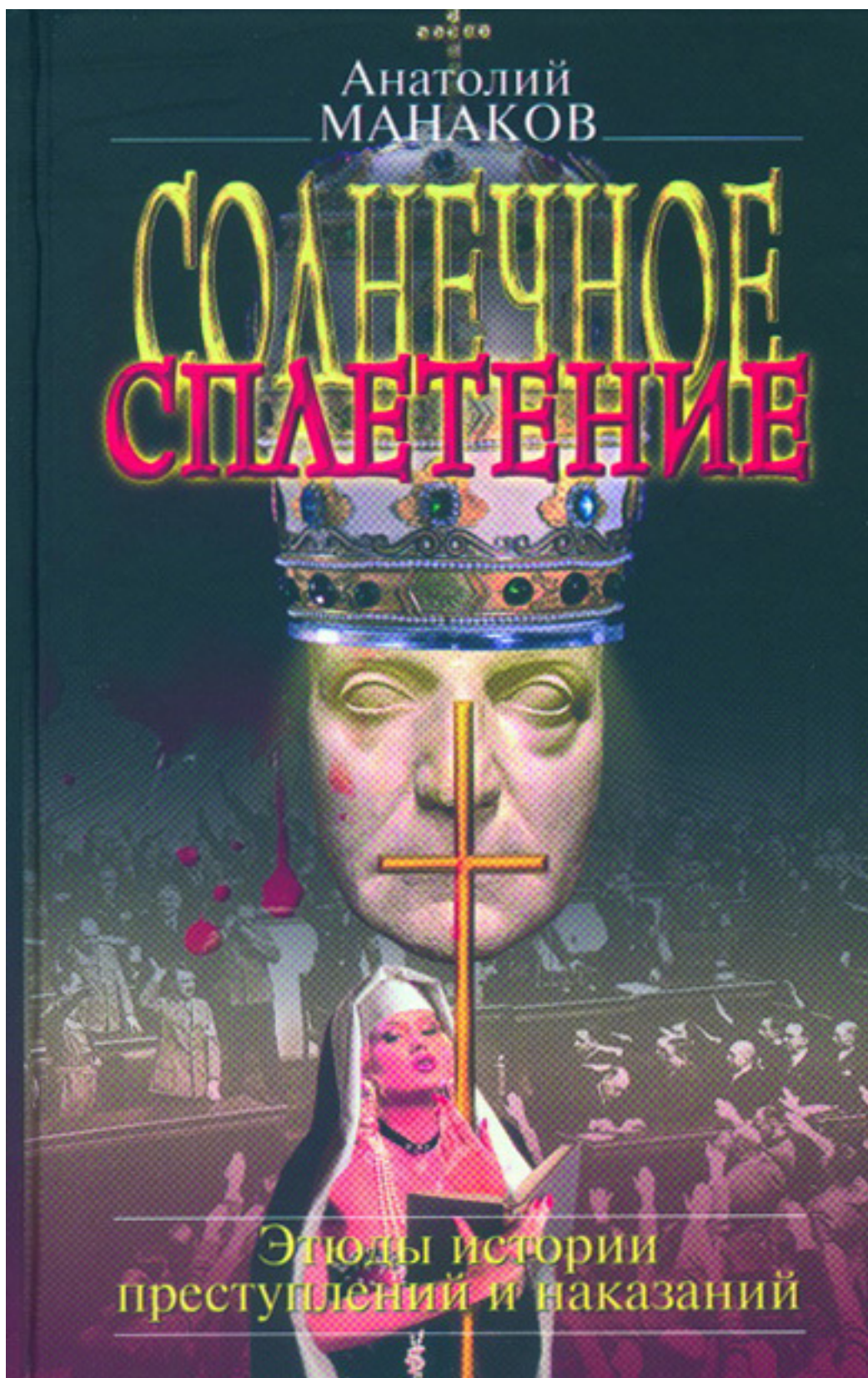

Анатолий
МАНАКОВ

СОЛНЕЧНОЕ СПЛЕТЕНИЕ

Этюды истории
преступлений и наказаний

Анатолий Манаков

**Солнечное сплетение. Этюды
истории преступлений и наказаний**

«Спорт»

2007

ББК 75.579

Манаков А.

Солнечное сплетение. Этюды истории преступлений и наказаний /
А. Манаков — «Спорт», 2007

ISBN 978-5-903508-24-2

Историко-культурологическое исследование роли церкви в жизни общества и государства. Написанная в увлекательной манере интерактивного расследования, изобилующая историческими примерами, богатым фактическим материалом и разнообразием мнений, книга Анатолия Манакова ставит актуальнейшие для нашего времени вопросы взаимодействия религии и светского государства, межконфессиональных конфликтов, религиозного фанатизма и его влияния на внутреннюю и внешнюю политику разных стран.

ББК 75.579

ISBN 978-5-903508-24-2

© Манаков А., 2007

© Спорт, 2007

Содержание

Вместо прелюдии	6
Партитура № 1:	8
Часть I	8
Часть II	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анатолий Манаков
Солнечное сплетение
Эпизоды истории искушений

© Манаков А., 2007

© Издательство «Человек», оформление, издание, 2007

* * *

Вместо прелюдии

Есть в Мадриде рядом с перекрестком улиц Потоси и Виктора Андреса Белаунде площадь Хуана де Лакоссы. Названа она так в честь испанского мореплавателя-картографа, внесшего заметный вклад в открытие Америки. Со стороны, откуда встает солнце, на нее выходит массивное, занимающее целый квартал здание в форме пирамиды с усеченной верхушкой.

Говорю это потому, что некоторое время на одной из ступенек той самой пирамиды размещалось мое Бюро Упорного Розыска (БУР). Там мне выпал случай поработать с отдельными пластами всеобщей истории преступлений и наказаний, поломать голову над достоверностью полученных сведений, разобраться в запутанных отношениях между виртуальным и реальным, желаемым и действительным.

В процессе своих исканий с видом на площадь Хуана де Лакоссы я давал как можно больше возможности высказываться другим и не злоупотреблял собственными комментариями. Одновременно приходилось также испытывать ощущение, будто проказница-действительность сама себя обнажала без всякого насилия над ней и вместе с испанцами их щедрое солнце помогало мне заглядывать в разные потаенные закутки, чтобы сплести обнаруженное там воедино, а потом подыскать для увиденного надлежащее место в словесной партитуре.

При чем здесь вдруг партитура? Наверное, при том самом, что когда мы пишем или говорим, в наших словах и фразах сокрыто свое внутреннее звучание. Более или менее развитый в каждом из нас физиологический механизм улавливает и синтезирует это звучание, порождая эмоции, влияющие на жизнедеятельность всего организма. В итоге, несмотря на индивидуальные особенности устной или письменной речи, обычно чувства мы выражаем одинаково: гнев и возмущение повышенным тоном, тонкие эмоции пониженным. С музыкальной мелодией происходит нечто похожее. Спокойная в темпе анданте наводит на грусть, быстрая в темпе аллегро вселяет бодрость, а сочетание всевозможных темпов рапсодии порождает целый каскад эмоций самого разного рода.

Именно так мне представляется эта композиция из трех партитур с прелюдией и незаконченной репризой. Физиологи, насколько известно, под солнечным сплетением понимают совокупность нервных узлов брюшной полости человека, которые расходятся в виде лучей по всему организму. Какое отношение имеет оно к моему интерактивному исследованию? Интуиция подсказывает: имеет. Только интереснее было бы говорить об этом не сразу, а «по ходу пьесы».

Отходя от формы ближе к существу предлагаемого мною разбора, подтверждаю свое активное нежелание сгущать в нем мрачные краски или, наоборот, в безудержном восхищении рисовать лубочные картинки. По мере сил и средств, я старался также не смешивать чужие мнения с собственными и не блудить словами, по-иезуитски тонко намекая на толстые обстоятельства.

Что я пытался делать, так это всякий раз напоминать себе о метаморфозах разных. К примеру, охотишься иной раз за зайцем, а он вдруг оказывается кошкой. Сие часто случается, когда придумываешь какую-нибудь грандиозную метафору и, по хамству ума своего, упорно пытаешься выставить ее за подлинную, реальную действительностью. Поисковику вроде меня это мешает. Лучше нацеливаться на максимально непредвзятое восприятие мотивов, заставляющих людей вводить себя и других в заблуждение. Неплохо также отличать случайные совпадения от значимых и при снятии свидетельских показаний испытывать истинное удовлетворение от живого общения со свидетелями. Не говоря уже о необходимости и на свою персону придирчиво посматривать со стороны.

Казалось, чего проще – думать, говорить и писать адекватно реальным, невымышленным фактам. Увы, разброс мнений относительно понятия «реальная действительность» широчай-

ший: то ли в силу нашего упрямства, то ли из-за недостатка знаний, то ли из стремления придать жизни в утешение себе еще и некое эзотерическое предначертание. Ко всему прочему, частенько считается вообще дурным тоном называть вещи своими именами. Проще говоря, каждый видит и слышит то, что хочет увидеть или услышать.

Все подобные тонкости я достаточно хорошо себе представляю и понимаю: без фантазий или воображения жизнь убога, искусство и литература мертвы, наука и техника бесплодны. Не столь уж во мне много и наивности полагать, будто мое мировосприятие полностью адекватно реальности. Это только Папа Римский, по мнению правоверных католиков, обладает правильными ответами на все вопросы бытия земного и небесного. Меня же, мало склонного к возведению чего-то в абсолют, излишне убеждать в том, что любая версия имеет право на существование, как и достаточно оснований для ее же опровержения.

Из абсолютно бесспорного есть у меня сейчас лишь одно желание – поделиться результатами своего очередного разбирательства, дабы попутно лишний раз еще и посмотреть, как выглядит родное отечество на общеевропейском фоне.

Короче, если кто-то уверен, что всем и всегда воздается по заслугам, что повсюду царит одна лишь божья благодать, ему эту книгу лучше в руки не брать. А если уж брать, то без фанатизма.

Партитура № 1: Иберийская рапсодия в блюзовых тонах

Часть I (Анданте)

Согласно официально признанному «свидетельству о рождении» Испании, ее нынешнюю территорию первыми, если не считать совсем древние виды, пять тысяч лет назад заселяли пришедшие из Африки иберы. Вслед за ними, но уже с севера, туда перекочевали кельты. В последние века до нашей эры на побережье появились греки с римлянами. И ничего им всем не оставалось, как только уживаться друг с другом, даже когда главенство попытались установить римские легионеры, а позднее полуостров наводнили мощные потоки германских племен вестготов и вандалов.

В V веке нашей эры крещенные в христианство потомки римлян обратили в свою веру вестготов. Всего несколько лет потребовалось новым пришельцам из Африки – арабам и берберам – чтобы завоевать значительную часть Иберии в начале VIII века. Причем завоеванием это можно назвать с некоторой натяжкой, поскольку четыре миллиона вестготов сдавались на милость заморским интервентам в количестве не более тридцати тысяч всадников. Все объяснялось довольно просто: придавленные тяжелым налоговым бременем вестготские крестьяне складывали оружие, а гранды и епископы короля Родриго заключали сепаратные соглашения с маврами (так назовут арабов и берберов), дабы сохранить за собой хоть часть своих владений. Новые правители-мусульмане не принуждали коренное население принимать ислам, но крепостным крестьянам, кто решался на это, предоставляли свободу от земельного собственника.

Возникшая в Иберии Западная исламская империя вскоре распалась на отдельные арабские халифаты. За несколько веков мавританского владычества христиане успели проникнуться некоторым безразличием к развитию техники, но укрепили в себе готовность отстаивать свое «единственно правильное» вероучение. Мавры внесли и свой позитивный вклад в строительство, архитектуру, астрономию, математику, сельское хозяйство, изящную словесность. Родоначальник испанской литературы Хуан Мануэль заимствовал у них свои притчи.

Однако до полной ассимиляции у вестготов с арабами дело не дошло. С упорством, достойным лучшего применения, обе стороны предпочитали заниматься своими внутренними разборками, защищать собственные представления о земной и загробной жизни. Это, кстати, очень напоминало непростые отношения русских удельных княжеств с Золотой Ордой примерно в то же самое время на востоке Европы.

Если завоевание (конкиста) прошло молниеносно, то обратный процесс (реконкиста) развивался поначалу довольно вяло. Освободительная кампания несколько оживилась, когда потомкам подданных последнего вестготского короля явился апостол Сантьяго. Рассказывали, что спустился он с небес прямо на поле битвы христиан с мусульманами, восседая на белом коне, нещадно разя нехристей мечом направо и налево. В том числе и с помощью небесного патрона, к концу XII века на юге полуострова у мавров остался один Кордовский халифат, где они хранили свою собственную реликвию – забальзамированную руку пророка Магомета.

В честь апостола Сантьяго на средства рыцарского Ордена храмовников воздвигли гигантский собор, превратив его в место паломничества католиков со всей Западной Европы. Путь жаждавших спасения души начинался тогда на берегах Сены неподалеку от собора Парижской Богоматери и занимал около ста дней. На тропу к мощам апостола выходили аристократы и нищие, рыцари и бандиты, священники и шпионы, теологи и алхимики. Среди

паломников немало осужденных преступников: они направлялись в Сантьяго де Кампостела отмыывать грехи, о чем должны были получить там сертификат и по возвращении предъявить его судье. На маршруте следования в первом же иберийском городке Памплоне многие приобретали за деньги нужный документ, чтобы далеко не ходить и не рисковать.

Обычно брели паломники облаченными в тяжелые плащи, ночью укрываясь ими от холода, днем от ветра и дождя. В руках у каждого посох, на ногах тяжелые сандалии-вериги, на голове широкополая шляпа с ленточками. По дороге бесплатно путникам никто ничего не давал, разве что хоронили умерших за счет местных приходов. Один французский пастор подготовил даже специальный путеводитель-наставление, как легче ориентироваться на иберийской части маршрута, дабы не пасть жертвой жуликов и бандолеро. С течением лет дорога к мощам апостола обрастала множеством легенд и оккультных знаков. Суть их значения сводилась к тому, что католики шли по этому тяжелому и долговому пути, чтобы подготовиться к смерти и духовно обновленными из мира земного вступить в Царство Небесное...

Реконкиста еще продолжалась, когда королева Изабелла Кастильская вышла замуж за короля Фердинанда Арагонского, заложив таким образом первый камень в основание единого испанского государства. Не откладывая дела в дальний ящик, короли-католики утвердили чрезвычайные полномочия Святой Инквизиции и подчинили ее себе напрямую, в обход даже римскому понтифику. По завершении реконкисты в 1492 году принялись выстраивать государство, скрепленное единой верой, способное противостоять угрозам внутренним и внешним. Тогда же ими был подписан указ о выдворении за пределы королевства всех лиц иудейского вероисповедания с выбором для пожелавших остаться – либо крещение, либо смерть на костре. К тому времени Инквизиция уже сожгла две тысячи иудеев, крещенных в христианство, но заподозренных в непризнании Святой Троицы.

Первым генералом-инквизитором был назначен глава Ордена монахов-доминиканцев Томас де Торквемада, а его тайная сыскная служба вошла в центральные структуры нового государства. Официально она называлась Советом Генеральной и Высшей Инквизиции, Святой и Божественной. Состояли же в нем не только иерархи, теологи и монахи, но также светские лица благородного происхождения. В народе Инквизицию прозвали «Супрема».

Ко всему прочему и весьма быстро Инквизиция стала рентабельным государственным предприятием: расходы на нее с лихвой окупались путем ареста имущества обвиняемых, которые сами оплачивали свое содержание в тюрьме, допросы и пытки над ними. Конфискация собственности осужденных позволяла ставить на государственное довольствие легионы инквизиторов, их помощников и секретарей, полицейских и медиков, судебных приставов и тюремщиков, не говоря уже об информаторах из всех слоев населения, включая лиц духовного звания.

Страх перед агентами «Супремы» был безмерен. Примерно таким же, как у русского люда перед монахами-опричниками Великого княжества Московского в годы царствования Ивана Грозного. Все занимались одним и тем же, инструментарий пыток тоже одинаков, но в Московии гнев венценосца обрушивался на единоверцев-православных, тогда как в испанском королевстве преследовали в основном иудеев и мусульман.

Поначалу Святая Инквизиция не обращала пристального внимания на адептов Пятикнижия Моисеева: жили те мирно и никого не пытались совращать в свою веру. Что же толкнуло королевскую чету и иерархов церковных выбрать иудеев в качестве «козлов отпущения», несмотря на их социально-экономическую активность и материальное благополучие? Изабелла и Фердинанд надеялись на гребне антисемитской кампании укрепить свою единоличную власть и авторитет в глазах подданных, живших в массе своей хуже иудеев. Для этих целей Святая Инквизиция оказалась действительно даром небесным. И совсем не важно было, что главным финансистом королевского двора состоял обращенный в христианство человек, чьи предки исповедовали иудаизм.

Под началом нового генерала-инквизитора, кардинала Сизнероса, рассмотрение подозрений в совершении «преступлений против веры» не затягивалось. Это тот самый архиепископ Толедо, который в сутане, размахивая крестом и мечом, водил королевские войска сражаться с маврами, служил духовником у королевы, создал испанский военный флот и университет в городе Алкала де Энарес. По сравнению с ним его предшественник Торквемада – сущий либерал. Трибунал кардинала Сизнероса представлял собою судилище, где обвинители выносили приговоры, адвокатов не предусматривалось, показания выбивались изощренными пытками. И знал ведь святой отец про заповедь Божию «Не убий!» Тем не менее нарушал ее, не страшась кары Господней.

Буйство насилия с расистским душком оправдывалось ведением «священной войны за веру, короля и отечество». Иудеев же преследовали якобы не за то, что они другой расы, а за то, что у них другое вероучение, хотя и где-то общее с христианством. Иудеи, мол, осмеливались думать: Иисуса Христа в действительности не существовало. Корона и алтарь не желали мириться с подобным «богохульством», ибо слишком уж принципиальным было расхождение во взглядах на жизнь земную и небесную.

Метаморфоз при этом хоть отбавляй. Среди инквизиторов, например, находили себе применение принявшие христианство иудеи и мусульмане: с дикой одержимостью на грани умопомрачения они демонстрировали рьяную преданность трону и алтарю, не останавливаясь даже перед принесением в жертву своих соплеменников.

Призывая извести под корень всех иноверцев, светские и духовные власти устанавливали в провинциях королевства единственное позволительное вероисповедание – под сенью римско-католической апостольской церкви. Любой бывший иудей или мусульманин считался «прирожденным еретиком». Любой кандидат на административную должность обязан был предоставлять «сертификат чистоты крови», выдаваемый церковным приходом. Такое требование, естественно, возвышало испанцев-католиков в собственных глазах, укрепляло их уверенность в своей «богоизбранности».

Несколько раз в год Инквизиция объявляла «день открытых дверей». То есть, братья-католики, будьте любезны доложить компетентным органам на местах о всяких отклонениях еретических в вашем ближайшем окружении, о тайных адептах ислама и иудаизма, о случаях богохульства, колдовства и вообще отхода от принятых церковью норм. Как тут не опасаться, что и на тебя донесут? Не лучше ли самому донести первым для подстраховки? Поневоле станешь пугаться, когда всякую недоговоренность, всякое неосторожно сорвавшееся с языка слово могут счесть за тягчайшее «преступление против веры», и пусть даже подозрение не подтвердится, пятно останется на всю жизнь. Не зря же ходила в народе горькая шутка: «Если Супрема не сожжет на костре, то сжует уж точно».

Судьи никогда не извещали арестованного о выдвинутом против него обвинении: надеялись, он сам признается в своих «неполадках с верой». Со страху бедняга называл мелкие проступки, но, конечно, не те, на которые поступал донос. О, это уже повод для допросов с пристрастием! В результате, измученный издевательствами до полусмерти, он наговаривал на себя и других, лишь бы больше не пытали. Причем от пыток официально никто не освобождался, разве что венценосцы и носители папской тиары. Священников и монахов пытали лишь с меньшим рвением, а если светского человека сжигали на костре, то лицо духовного звания обычно приговаривали к пожизненному заключению в монастырской тюрьме. Еретик в последний момент мог покаяться: тогда его душили удавкой и потом сжигали.

Допросы с пристрастием в подвалах Святой Инквизиции – излюбленное занятие садистов из Ордена монахов-доминиканцев. Но это еще не самое страшное, ибо в ту пору пытки применялись и в отношении уголовных преступников. Не самое страшное даже то, что бесцеремонно лезли в души человеческие под благовидным предлогом их «спасения», ибо на то и поставлены церковные служители. Самое же страшное заключалось в том, что широкие слои

народа видели в Инквизиции защитницу интересов страны, которая, мол, поставлена самим Богом наказывать еретиков за попытки подорвать основы государства испанского, католического.

Одновременно с официальной Инквизицией действовала и другая, неофициальная, известная под названием Святая Гардунья – этакий симбиоз американской «коза ностра», сицилийской мафии и неаполитанской «каморры». Возникло это тайное криминальное сообщество, кстати, раньше самой Инквизиции, когда еще в ходе реконквисты его члены сживали со света иудеев и мусульман без всяких на то санкций властей. По сути, Гардунья никакой святой не была и представляла собою разветвленную по всему Иберийскому полуострову, организованную сеть бандитских шаяк, состоявших из отпетых головорезов, грабителей, мошенников и вымогателей. Оправдывали же они свои деяния тем, что защищают якобы христианскую веру от нечестивцев. Главари бандитов ссылались даже на мандат, выданный им самой Девой Марией. Как бы то ни было, инквизиторы смотрели на Гардунью сквозь пальцы и нередко использовали ее для ликвидации неугодных властям подданных, до коих не могла добраться «Супрема» в силу разных причин...

«Все книги еретического содержания, обнаруженные в ходе тщательного сыска у частных лиц или в библиотеках, следует немедленно сжигать, – предписывал в своем наставлении генерал Ордена монахов-иезуитов Игнатий Лойола. – То же относится и к книгам, чье авторство принадлежит еретикам, даже если в них речь идет о грамматике или риторике. Ненависть к ереси их авторов должна распространяться столь широко, что даже названия таких книг нельзя упоминать, дабы не привлекать к ним внимания молодежи, склонной подпадать под их влияние. В равной мере полезно, под угрозой сурового наказания, запретить издателям печатать книги, в которых цитируются высказывания еретиков или пересказываются отдельные положения их нечестивых учений. Никто не должен распространять подобные книги, в том числе изданные за пределами королевства. Следует проявлять нетерпимость и к лицам духовного звания, хоть как-то отмеченным ересью... Лучше пусть будет стадо без пастуха, чем волк в роли пастуха! Убежденных еретиков, разумеется, надо наказывать тюремным заточением или смертной казнью».

Следуя этой генеральной линии, Инквизиция приговорила к пожизненному заключению даже архиепископа Толедо Бартоломео де Каррансу за выданное им разрешение светским лицам читать Библию, как принято у лютеран. Заключила в тюрьму теолога университета в Саламанке, монаха Луиса де Леона за высказанные им сомнения в правильности перевода Ветхого Завета с греческого на латинский, то есть за «симпатии к иудаизму». Сожгла на костре врача Андреса Весалио за его реплику после вскрытия им трупа в анатомичке, будто он видел там нетронутым ребро, из которого сотворена Ева...

* * *

Однажды, оказавшись в Испании, фламандский художник Рубенс встретился с местным живописцем Веласкесом. Вкушая экзотические блюда, обласканный щедрыми лучами солнца и гостеприимством фламандец не переставал восхищаться:

– Счастливая у вас страна, сеньор Веласкес! Столько солнца! Такие красивые женщины! Их надо писать, мой друг. Писать и немедленно.

– Ну что вы, сеньор Рубенс. Это вы поистине счастливый человек, – грустно, вполголоса, чтобы не услышали окружающие, отвечал Веласкес. – Вы можете писать обнаженные женские натуры.

– А вам что мешает это делать?

– Нельзя, ведь я испанец. Возможно, Испания действительно благословенная страна, но только не для художника. Здесь нам многое запрещено. Самая главная женщина у нас – Святая Инквизиция. . .

И впрямь, удивительное дело, как это в условиях тотального контроля над мыслью суровая испанская цензура пропустила такой пассаж из романа Сервантеса о Дон Кихоте Ламанчском: «Приехал я в Германию, – рассказывает один из персонажей, – и там мне показалось, что можно жить вольготнее, благо местные хранители морали не обращают внимания на многие тонкости, что каждый живет там по своему хотению и в большинстве германских городов сознание людей свободно».

Нет, речь идет не о парадоксе, хотя их и достаточно в истории Испании. Просто Сервантес, скорее всего, никогда бы не осмелился сделать это, не будь это самое «свободное сознание» признано зловредным подданными тогдашнего королевства, где единственно правильным сознанием считалось католическое, а сама Испания – «избранницей божьей на вечные времена».

Наиболее же избранными признавались представители аристократических родов, чуть меньше – странствующие рыцари Ордена Калатравы, совершавшие подвиги в честь своей дамы сердца. Поэтому когда какой-то иностранец вдруг запросил у королей-католиков титул Великого Адмирала Моря-Океана в обмен на будущее открытие им нового пути в Индию, амбиции его явно выходили за рамки установленных понятий. Но соблазн оказался столь велик, что свое обещание наградить его этим титулом монархи даже скрепили королевской печатью.

Да и как могла вписываться в эти понятия загадочная личность Кристобаля Колоннэ. Взять хотя бы его фамилию в испанском варианте. Не исходила ли она от итальянского «колонель» (полковник), как уважительно обращались матросы к командиру корабельного экипажа? Себя он называл сыном генуэзского ткача Доменико Коломбо, хотя в списках их цеха такой не значился. Тщательно скрывал и о том, что в свое время пиратствовал в Средиземном море вместе с безжалостным Винченцо Коломбо, но после разошелся с ним и стал наемным корсаром на службе у коронованных особ, недругов Испании. Морским бандитизмом он действительно занимался около четверти века, потому не мог назвать своей подлинной фамилии, имевшей шотландские корни, и предпочел быть Кристобалем Колоннэ. . .

Наступившая после открытия Нового Света эйфория не затмила, однако, энтузиазма религиозных чисток в испанском королевстве. Что она затмила в сознании людей, так это необходимость развивать науку и технику для облегчения собственного положения. Не до того было, когда в запале решено удариться еще и в завоевание новых земель к вящей славе Божией, короны и алтаря.

Как у всякого явления исторического масштаба, имелись здесь свои светлые и темные стороны с изрядной примесью вымысла, а то и просто откровенной фальсификации. На светлой стороне – высокий духовный порыв донести христианскую веру до индейцев, сформировать из них новые нации, провозгласить их «христианскими детьми матери-родины Испании». На темной – конкистадорам не было дела ни до аборигенов, ни до их культуры.

Испанцы жаждали золота и, чтобы получить его, не останавливались ни перед чем. Для успокоения души монахи-миссионеры заставляли местное население принять христианство, смириться и не бунтовать. Люди на конях, в латах и с собаками силой отбирали драгоценности, грабили, убивали, насиловали. И редко кто из них вспоминал о «чистоте крови», рыцарском благородстве или христианском милосердии.

Коронованные особы направляли в заокеанские владения Вест Индии высочайшие предписания избегать крайностей в отношении индейцев, но одновременно настойчиво требовали все больше золота, необходимого для ведения испанской империей войн в Европе. В золоте нуждались для подпитки институтов государства и римско-католической церкви, для противостояния французской гегемонии, приобретения предметов роскоши и шедевров мирового

искусства. Золото могло поступать только из колоний, где аборигены не привыкли из-за тяжелого климата работать до седьмого пота, поэтому их надо было заставлять, даже если они уже приняли христианство и формально не были рабами. Индейцев переправляли и на работы в метрополию – как якобы пленных, захваченных в ходе «вынужденной самообороны».

Наверное, не случайное это совпадение, что с приходом колонизаторов исконное население катастрофически вымирало. Сказывались неадекватные природным условиям физические нагрузки, а также эпидемии оспы, средств для лечения которой у индейцев не было. Вместе с тем нужно для объективности признать: жестокость завоевателей-католиков по отношению к индейцам Южной Америки вряд ли существенно отличалась от жестокости колонизаторов-протестантов по отношению к индейцам Северной...

К середине XVI века испанской империи удалось завладеть огромной заморской территорией и значительной частью Западной Европы. Тут даже можно поверить в какую-то высшую предопределенность судьбы. Однако возможностями реальными обеспечить своей стране прочные экономические опоры правители империи так и не воспользовались, ограничившись ведением войн в интересах римско-католической церкви. Ослепленные блеском имперского величия, испанские гранды не забывали, правда, и о своем личном обогащении. Когда же король Филипп II заметил, что предпочитает потерять свое королевство, нежели править еретиками, он говорил сущую правду. Ибо кесарь действительно не в силах править подданными, если они в Бога не очень-то верят или совсем не верят...

Да и вообще, непохожими казались испанцы на западных европейцев. Об особенностях склада ума своих соотечественников так отозвался врач Мигель Сервет. «Испанцы хорошо оснащены для научных познаний, но учатся плохо и мало, – писал он в своем дневнике. – Стоит им чему-то обучиться, то думают, будто уже все познали. Поэтому легче найти образованного испанца где-нибудь за границей, только не в Испании. Они составляют грандиозные проекты, но редко их осуществляют до конца. В разговорах получают удовольствие от тонкой игры слов и софистики, но склонности к чтению книг у них мало, да и книги предпочитают издавать не у себя дома, а во Франции. У простого люда масса плохих привычек: хотя испанцы люди тертые жизнью, они полны предрассудков. Страдающие от упорного и систематического труда, но смелые в бою, своими географическими открытиями они завоевали себе мировую славу».

Сам Мигель Сервет оставил свой собственный след в анналах испанской истории. Родился он в Наварре, с семнадцати лет учился и работал за границей. Особенно упорно занимался медициной, получил докторское звание. Известность приобрел своим открытием малого, легочного кровообращения. Его научная публикация по этой проблеме сразу попала в «Индекс запрещенных книг» Ватикана.

Неутомимый путешественник-мечтатель работал в швейцарском городе Базеле. Там врач переполюшил местных теологов-протестантов, разузнавших о том, что им пишется книга, в которой ставится под сомнение реальность существования Иисуса Христа, Сына Божиего. Его заподозрили в богоотступничестве, стали распространять слухи, будто испанец намерен подвергнуть критике основу христианской религии, но он продолжал настаивать на земном происхождении проповедника из Назарета.

Поначалу теологические изыскания Мигеля Сервета воспринимали с насмешкой. В Германии, Швейцарии и Австрии можно было услышать и не такую ересь, а Троицу подчас там вообще называли «мозгом о трех головах» или «таинственной химерой». Однако на всякий случай, чувствуя на себе презрительные взгляды, он изменил свою фамилию и перебрался в Париж, где продолжал исследования в области медицины, ботаники, географии и той же теологии. Склонность ко всему необычному приводила его и к астрологическим расчетам, в которых он искал нечто полезное для медицины.

В Париже Сервет познакомился с главой протестантской церкви Швейцарии Кальвином. Позднее написал тому несколько писем, без злого умысла и полемики ради, в которых срав-

нивал отправление духовенством религиозного культа с языческими ритуалами, критиковал иерархию в церкви, монашество и исповедь. Все ответы Кальвина на его письма им были опубликованы, включая нецензурные выражения и оскорбления. По настоянию протестантского первосвященника в дело вмешался церковный трибунал со своими «аргументами разума».

Испанца наконец-то заманили в Швейцарию, арестовали и заключили в одиночную камеру женеvской тюрьмы. На допрос к нему явился сам Кальвин.

– Несчастный, ты полагаешь, что земля, которую топчешь, есть сам Господь Бог? – поинтересовался тот, ухмыляясь.

– Нисколько не сомневаюсь, что эта скамья, стол и все окружающее являются субстанцией Бога, – ответил Сервет без колебаний.

– Тогда получается, и дьявол тоже?

– Неужели у вас есть сомнения?..

В качестве документального свидетельства ереси Сервета глава протестантов предоставил следователям полученные им от врача письма и поручил вести судебные слушания генеральному прокурору Женевы. Адвоката подсудимому не приставили, тяжелейшие условия тюремного заточения доводили его до пределов терпения.

Неделя понадобилась судьям для подготовки приговора по обвинению в «распространении ложной еретической доктрины, злоvредно направленной против Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа, основных истин христианского вероучения, а также в попытке внести раскол и брожение в рядах служителей Божиих...» Приговор гласил: «Доставить Сервета на холм Шампелье и там привязанным к столбу сжечь вместе с его книгами и рукописями, дабы тело его обратилось в пепел и таким образом служило уроком всем, кто хотел бы совершить подобное преступление».

На холме Шампелье неподалеку от живописного Женевского озера все приготовили в соответствии с заведенным регламентом: глубоко врыли высокий металлический штырь, у основания его набросали кучи хвороста vперемешку с поленьями. Толпы зевак пришли сами собой.

– Какова твоя последняя воля? – поинтересовался у Сервета судья, тоже скрупулезно следуя правилам процедуры. – Есть ли у тебя жена, дети?

Осужденный презрительно отвел голову в сторону.

– Вот видите, граждане, сколь сильную власть имеет Сатана над душами! – крикнул блюститель закона в сторону зрителей. – Человек этот возомнил из себя ученого мужа и думал учить людей истине. Но душой его овладел дьявол и не намерен ее отпускать. Смотрите, чтобы и с вами такого не произошло!..

Поджигать пришлось несколько раз. Мокрые от утренней росы поленья и хворост не схватывались огнем, поднявшийся вдруг сильный ветер задувал искры. Более часа ничего не получалось, пока кто-то не сбегал домой за сухими дровами.

От пылкого, гордого, беспокойного, странствующего по миру правдоискателя остался один пепел. Произошло это в 1553 году. Много позднее в память о Мигеле Сервете именем его назовут одну из улиц Мадрида...

А вот и новый XVII век. Суждено ему стать той исторической вехой, когда короной и алтарем испанскими поставлена непреодолимая преграда перед охватившими Западную Европу либеральными веяниями. Направляя награбленные в Латинской Америке ценности на укрепление монархии и церкви, правители светские и духовные зациклились на своих имперских амбициях.

Чтение художественной литературы считалось тогда в Испании вреднейшим занятием, особенно если в книгах попахивало свободолобием, но, как ни парадоксально, именно беллетристика и живопись переживали именно в то время «золотой век». Бытие же реальное, не вымышленное приобретало еще и оттенки садомазохизма: в дни церковных праздников

мистики впадали в самобичевание, влюбленные клялись в вечной верности и обменивались платками со своей кровью. Да и художники в массе своей живописали на полотнах человеческие страдания.

В ту пору Испания насчитывала около восьми миллионов жителей. Из них миллион нищих и бездомных, миллион священников и монахов, миллион дворян с их многочисленной прислугой – и все шарахались от систематического, полезного для общего блага труда как черти от ладана. Земли церковные и родовитых семей в запустении. Рабочих дней в году, за вычетом религиозных праздников, не более ста. Повсюду затхлая атмосфера невежества, фанатизма, мракобесия, лицемерия двойной морали. Только и слышно: «Бог рассудит!»

Если оставить пока в стороне совпадения с тогдашней российской действительностью и устремить взор на туманный Альбион, можно столкнуться и там с указами королевы Марии Стюарт отправлять к праотцам всех несговорчивых протестантов или со склонностью Елизаветы проделывать то же с упрямыми католиками. Хотя Святая Инквизиция ассоциируется больше всего с Испанией, в XVII веке только в одной Германии, стране «свободного сознания», закончили свою жизнь на костре около ста тысяч женщин, заподозренных в сговоре с дьяволом.

Примечательный факт: испанская Инквизиция за весь период своего существования вынесла около тридцати тысяч смертных приговоров. Конечно, нужно считать и умерших под пыткой, от болезней в тюрьмах, на галерах и зарезанных живодерами Гардуни. Чем испанская Инквизиция еще выделялась на общеевропейском фоне, так это своей доктриной «чистой крови» и более долгим сроком существования. Когда все другие церковные трибуналы приказали долго жить, испанский продолжал нести караул. Потерпевших кораблекрушение и подбренных на иберийском берегу английских моряков, к примеру, ожидало либо обращение в католическую веру, либо тюремное заключение. При всем привилегии местных священников были под стать королевским, а их самих запрещалось даже подвергать судебному преследованию за совершенные ими уголовные преступления.

Король Карлос III все-таки нашел в себе мужество намекнуть иерархам, чтобы не вмешивались бесцеремонно в государственные дела. По его указу и вопреки Папе Римскому в 1766 году из Испании выдворены иезуиты. Он же лишил церковь права предоставления убежища уголовным преступникам, принялся упразднить Инквизицию. Когда же обласканный им придворный живописец, автор «Махи обнаженной» Франциско Гойя, сделал свою знаменитую серию «Капричос», на него тут же ополчились прелаты, ибо среди офортов имелись карикатуры на них самих. Художника это не обескуражило, и он предложил всю выручку от продажи «Капричос» направлять в государственную казну. Карлос III не тронул Гойю. Крамольные его произведения разошлись по всей Западной Европе.

У Франциско Гойи, кстати говоря, афронты происходили довольно часто. В период стажировки в Италии, к примеру, его пытался вербовать посланец императрицы Екатерины II, предлагавший ему стать придворным художником и российским подданным. Гойя отказался, несмотря на солидную сумму, и на настойчивые увещевания ответил: «Ваша императрица может считать себя немкой, русской, китайкой и вообще кем угодно. Я же испанец, и меня это вполне устраивает. Даже готов заплатить ей два моих последних дуката, лишь бы она оставила меня в покое...»

Официально Инквизиция продолжала еще действовать, но ряды ее сторонников редели. «Супрема» уже дышала на ладан, когда во Франции нанесли смертельный удар монархии и клерикальному засилью. Мадридский двор почувствовал повисшую над ним угрозу. Отразив наполеоновское нашествие, там снова попытались запустить инквизиторскую машину, но она настолько обветшала, что вскоре пришлось от нее отказаться...

Испанская и Российская империи имели в то время даже общую границу на западном берегу Северной Америки, установленную двухсторонним соглашением от 1790 года. Прохо-

дила она по 48-й параллели чуть южнее нынешней границы между США и Канадой. Тут уже не просто совпало, даже соприкоснулось.

* * *

Начиная с родоначальника испанской литературы Хуана Мануэля (XIV век), в ее художественных произведениях героями часто служили личности, одаренные умом, благородством и доблестью больше, чем силой и богатством, а рыцари не занимались собственным обогащением и не рисковали ради этого жизнью. Естественно, речь в данном случае идет о художественном вымысле.

Религия тогда была единственной духовной пищей, и самый образованный слой общества составляли по преимуществу не вельможи, а священники и монахи. Одним из них оказался приговоренный к тюремному заключению автор сатирических памфлетов на свою же братию, монах Хуан Вивес. В камере-одиночке он сочинил поэму «Книга благой любви», где есть и такие полные иронии строки: «Ценность каждого человека определяется у нас тем, сколько у него денег. У кого их нет, тот себе не господин. Есть у тебя деньги, получишь утешение, удовольствие, радость, купишь рай для себя, заработаешь спасение души. Все благословляют тех, у кого есть деньги. Я видел при римском дворе, где хранятся святыни, как все отступают перед деньгами. За деньги становятся аббатами или епископами, полуграмотные попы получают высокие должности. За деньги получают благословение самого Папы и спасение души».

Испанская духовная цензура пыталась предотвратить публикации, бросающие тень на церковные догматы. Вслед за французами, итальянцами и голландцами среди испанцев тоже появлялись просвещенные последователи идей Эразма Роттердамского. Король Карлос I тоже очень хотел придать своей стране европейский вид и на всякий случай держал при дворе поэта-гуманиста Гарсиласо де Лавегу, шел на поправки университетам. Однако такое снисхождение продолжалось недолго. Сменивший его на троне Фелипе II вознамерился сделать из королевства несокрушимый оплот в борьбе с протестантами и свободомыслием вообще.

Наиболее яркие, неординарно мыслящие испанцы в ту пору предпочитали получать образование за границей. Среди них Хуан Луис Вивес, автор философского трактата «Мудрец», опровергал схоластические методы обучения, выступал против предрассудков и суеверий, за развитие естественных наук и равенство возможностей в получении образования. Издавал свои сочинения в Италии Хуан де Вальдес, покинувший родину под угрозой наказания за его переписку с Эразмом. Альфонсо де Вальдес написал во Франции под псевдонимом сатирическую, антиклерикальную повесть «Жизнь Ласарильо с Тормеса», которая сразу попала в утверждаемый римским понтификом «Индекс запрещенных книг». Ищейки-инквизиторы так и не установили подлинное имя автора.

Ближе к XVII веку заметные фигуры появлялись и в самой Испании. Широкую известность приобрел мадридский священник и драматург Лопе де Вега, большой любитель веселого препровождения времени и амурных увлечений. Не ущемленный фанатизмом, он описал свою мечту о справедливости в поэме «Золотой век». После нескольких представлений на театральной сцене цензура запретила его пьесу «Фуэнте Овехуна» за ее крамольное содержание и симпатии автора к крестьянам-бунтовщикам. Пьесы ему отказали печатать, а уже отпечатанные сжигали. И это при том, что сам Лопе де Вега состоял в Инквизиции цензором.

Столь же известен читающей публике поэт, романист и философ Франциско де Кеведо. Испания представляется ему страной, где изощренность ума служит либо мошенничеству, либо дикому озорству. В серии очерков «Сновидения» он в бурлескно-пародийной форме рисует сцены ада и Страшного Суда, сравнивает человека с дьяволом, земную жизнь с адской. Обобщая происходящее, выдумывает остроумные игры мысли и каламбуры метафор. В

новелле «Час воздаяния, или Разумная Фортуна» показывает, что богиня судьбы могла бы одарять людей более справедливо, со смыслом и по заслугам, но этому мешает только одно: во всех своих бедах чаще всего они сами виноваты.

Кеведо не покушался на догмы христианства и прямо заявлял, что правители должны взять за образец подражания Христа, властвовать, следуя принципам католической веры. Тем не менее его объявили безбожником и политическим вольнодумцем. За оскорбление им высочайших особ и обвинения против них в том, что они грабят страну, его заключили в тюрьму, сочинения запретили. В конце концов писателя все же отпустили на волю, приняв во внимание выполнение им деликатных поручений королевской разведки и участие в тайных операциях в Сицилии, Неаполе и Венеции.

В духе Кеведо написал свой роман «Хромой бес» Велес де Гевара. Он вообще сравнивал испанское общество с домом для умалишенных: все кругом притворяются, мошенничают, преследуют лишь свои личные цели, стремятся сохранить хорошую мину при плохой игре, в душе оставаясь ничтожествами. От карающей Инквизиции писателя спасало лишь то, что выступать ему пришлось под псевдонимом. Как удалось Геваре улизнуть от церковных ищек, до сих пор загадка.

Прикрывался псевдонимом и монах-иезуит Бальтазар Грасиан. Все его произведения – хвала благоразумию. Например, «Карманный оракул», или комментарии по поводу трех сотен максим в стиле римского философа-стоика Сенеки. Падре считает надежду «великим фальсификатором правды», а лучшим лекарством от глупости – «мудрость вести себя применительно к обстоятельствам и во всем держать про запас второй вариант, дабы не зависеть от чего-то одного». По его мнению, нет на свете безгрешных наций, надо только смело вскрывать недостатки своего народа. Что же касается испанцев, то мастерству пускать пыль в глаза им не у кого занимать. Любопытна также его теория остроумия и правила тонких построений ума. Острая мысль для него – основное средство познания. Но познать истину, как он полагает, еще недостаточно: нужно стремиться познать красоту разнообразия как способ получения удовольствия, опирающийся на контраст, неожиданность, противоречие, диссонанс. И делать это рекомендует с несколько отстраненным видом, бодрым настроением и уверенностью в том, что хороший досуг лучше всякого дела...

Еще во времена реконквисты поселялись в провинции Кастилия Ламанча беглые крепостные крестьяне. Создавали они там общины-братства, пронизанные духом свободолюбия, взаимопомощи и чести. Дворянина в ту пору называли «идальго» (чей-то сын), а рыцарем-кабальеро мог стать любой «чистокровный» испанец, являвшийся воевать с маврами на своем коне и в доспехах. Совершив подвиг в бою, он тоже становился дворянином, но материальных благ ему это не прибавляло. О приключениях одного такого дворянина и рассказал Мигель де Сервантес Сааведра в романе «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

Попутно можно заметить, что «хитроумный», как эквивалент в переводе с испанского *ingenioso*, принимается с большой натяжкой. Уж кто-кто Дон Кихот – выдумщик, взбалмошный фантазер или, как говорят сегодня, параноик, но только не хитроумный. Вероятно, неадекватность возникла в связи с тем, что в России роман впервые появился на французском языке, и, хотя писатель Константин Масальский уверял, будто перевел с оригинала, знания им испанской реальности неглубоки и ему частенько приходилось обращаться к французскому переводу. Но это просто так, по ходу дела. Разумеется, суть не в этом.

За почти четыре века после выхода романа в свет стало уже клише говорить, будто писатель написал пародию на рыцарство и человеческую восторженность. К сожалению, сам Сервантес о своих подлинных намерениях никому не рассказывал. Трудно догадаться об авторских намерениях, сколь ни прислушивайся к беседам при луне Дон Кихота с его верным оруженосцем Санчо Пансой, наполненным мудростью и глупостью, глубокомыслием и явной чепухой.

Видимо, речь идет о довольно нередком в литературе случае, когда из-под пера автора выходит нечто большее, чем его задумка.

О чем роман в первую голову? О сплетениях реального с идеальным, действительного с желаемым. Главный герой как бы говорит всеми своими действиями: можно восхищаться рыцарским благородством и отвагой, ценить в человеке доброту и бескорыстие, но при этом надо твердо стоять на земле и помнить, что самые высокие душевные порывы, если они далеки от действительности, все исказят, а попытки добиться справедливости принесут лишь новую несправедливость.

Здесь не стоит забывать, что перед своей кончиной дон Алонсо Кихано признал бредом случившееся с ним, пришел к выводу о пагубности чтения рыцарских романов и даже запретил своей племяннице выходить замуж за человека, который имел пристрастие к ним. Идальго посчитал эти романы глупыми, мерзкими и лживыми. Единственное, что его огорчало, так это невозможность исправить свою ошибку и взяться за чтение умных книг...

Сколько разных мнений можно услышать о «Дон Кихоте». Достоевский увидел в романе самую верную и глубокую картину жизни, самые верные о ней суждения. «Во всем мире нет глубже и сильнее этого сочинения, – отметил он в своем дневнике. – Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и если бы кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: что вы поняли за вашу жизнь на Земле и что об ней заключили? – то человек мог бы молча подать «Дон Кихота». Вот мое заключение о жизни и – можете ли вы за него меня судить?»

Белинский называл Дон Кихота благородным и умным человеком, который всей душой предан любимой идее, хотя и совершенно неосуществимой. По мнению критика, на стезе странствующего рыцаря (кабальеро анданте) тот действует нелепо и глупо, но в обыденной обстановке о вещах мирских рассуждает мудро; его же осознание перед смертью своих заблуждений невольно наводит на мысль о печальной судьбе человечества. «Каждый человек есть немножко Дон Кихот, – заметил Белинский, – и более всего люди с пламенным воображением, благородным сердцем, даже сильною волею и с умом, но без рассудка и такта действительности».

Гоголь считал Сервантеса своим вдохновителем к написанию «Мертвых душ». Тургенева Дон Кихот тронул до слез своей чистотой и святой простотой. Герцен говорил о «донкихотах революции», называл богатого на выдумки испанского идальго «одним из самых трагических типов людей, переживших свой идеал». Мережковский обнаружил в романе мысль о том, что счастливым может быть только мечтатель, безумец и невежда, потому как реальная действительность отвратительна.

Писарев и Добролюбов признали в Дон Кихоте исключительно смешную, нелепую фигуру, чья отличительная черта – непонимание ни того, за что он берется, ни того, что из этого может получиться. Несладко прозвучало и заключение Горького: «О гармонической личности люди мечтали на протяжении многих лет, сотни художников слова и философов, но самое честное и высокое, что было придумано, оказалось смешным – это Дон Кихот».

Русская театральная сцена явилась свидетелем семи инсценировок романа только в первой половине XX века – с разными и подчас весьма далекими от Сервантеса интерпретациями. В общем-то, мало похожим на оригинал стал и выпущенный в 1955 году на экран фильм Козинцева по сценарию Шварца с участием Черкасова, где не проглядывалось даже намек на нелепость поступков Дон Кихота.

Роман и его автор вызвали живой отклик на Западе. Вольтер и Томас Манн отметили влияние на Сервантеса Эразма в том, что касается гуманности и справедливости.

Байрон поставил Сервантесу в вину его насмешки над рыцарством. Флобер выбрал «Дон Кихота» одной из своих любимейших книг. Рихард Штраус сочинил симфоническую поэму «Дон Кихот – фантастический вариант на тему рыцарского характера». По либретто Мариуса

Петипа поставлен балетный спектакль. Массне специально для Шаляпина написал оперную музыку.

Для самих испанцев роман и его автор стали неувядаемой темой бесконечных публикаций и дебатов. В своем трактате «Испанская идеология» философ Анхель Ганивет почувствовал в Дон Кихоте дух испанского народа, творение этим народом нравственного идеала справедливости. Мигель де Унамуно водрузил «Дон Кихота» на пьедестал выше самого Сервантеса, который, мол, и сам не сознавал, что написал трагическую комедию всего человечества, а одновременно библию испанского народа с главным героем – символом национального характера. Философ возвел в культ кихотизм как национальную религию рационального абсурда и назвал ее «по сути сумасшествием». По его убеждению, Дон Кихот как бы олицетворяет мысль о том, что человек ценнее любых теорий и философских учений. Другой философ, Хосе Ортега-и-Гассет, признал, что открытая Сервантесом «испанская тайна» есть не что иное, как и беда самого Дон Кихота, а заключается она в его недостаточной образованности.

В общем, одни испанцы называли совсем не хитроумного идалго сумасбродом, другие уподобляли его Иисусу Христу. И это никак не убавляло их гордости тем, что «Дон Кихот» написан именно их соотечественником.

* * *

Почти два века застоя в социально-экономическом развитии испанского государства образовали огромную прореху в просвещении народа. Если в Западной Европе XVIII век прошел под знаком просветительства и научных исследований, то Испания в этом отношении протопталась на месте. Французские энциклопедисты посмеивались: из книг в этой стране выходят только рыцарские романы, любовная лирика и схоластические трактаты, как будто действует «тайный враг человеческого разума».

Наглядный пример – старейший в Европе Саламанкский университет. Начиная с XII века славился он своими профессорами теологии, которые давали советы коронованным особам по многим вопросам, подсказывали, как достойно реагировать на папские энциклики и прочее в этом роде. Спустя три столетия интеллектуальная жизнь университета пришла в упадок, точные и естественные науки оказались в загоне.

Публицист Мариано Хосе де Лара хорошо осознавал плачевное состояние культуры и образования у себя на родине. После выхода нескольких номеров его сатирических журналов цензура запретила их дальнейшее издание. Называя себя ироническим скептиком, он продолжал критически отзываться об испанском «провинциальном мышлении» и о тех простодушных болтунах с «незатронутыми умами», которые составляли питательную среду анахронизма. В своих соотечественниках Лара обнаруживал авторитарный менталитет и полагал, что только лень воображения мешает им разобраться по-настоящему в происходящем. По его мнению, испанская литература отражала ретроградные религиозные и политические идеи, примат же содержания над формой можно признать только за Сервантесом и Кеведо. «Стремление содействовать благополучию родины заставляло меня высказывать горькие мысли», – заметил Лара незадолго до того, как покончил собой. Прожил он всего двадцать восемь лет.

Несмотря на застой в развитии испанской культуры XIX века, оставил свой след в отечественной литературе поэт-просветитель Хосе де Эспронседа. В поэме «Песнь казака» он воспел освободительные войны испанцев и русских против наполеоновского нашествия. Западно-европейская цивилизация ему представлялась «торгашеской». Довелось ему в жизни и сражаться на баррикадах Парижа.

Испанские прозаики начинали уже острее реагировать на клерикальное засилье. Бесплодность аскетической догмы прекрасно показал Хуан Валера в романе «Пепита Хименес». Жестокий религиозный фанатизм и самоуправство раскрыл Бенито Перес Гальдос в «Донье

Перфекте», а в очерках «Запретное» подверг критическому разбору нравственное состояние испанского общества, назвав религиозные догмы обманом и мракобесием.

Впервые на литературном поприще добилась известности женщина – Эмилия Пардо Басан. Как никто другой до нее, эта знатная дама много путешествовала по Европе и познакомилась с творчеством Тургенева, Достоевского, Толстого. В последние годы жизни чрезмерно увлеклась мистикой, называла себя «верующим эклектиком»...

Западные европейцы продолжали воспринимать Испанию «провинцией науки». Как бы то ни было, в 1906 году за работы в области нервной деятельности Нобелевскую премию получил испанец Сантьяго Рамон-и-Кахаль. Отставание Испании в научной области он объяснил нехваткой у испанцев воли и интеллектуального тщеславия при ярком присутствии в них терзающего душу самодовольства или постоянного бурчания на тему «в этой стране с изобретениями ничего не получится».

Нет, все было так и не совсем так. Кое-что получалось. Это убедительно продемонстрировал Леонардо Торрес Кеведо. Ему принадлежали оригинальные работы в области искусственного интеллекта, создание на основе собственных разработок первых вычислительных машин для осуществления сложнейших алгебраических операций, первых радиофицированных роботов, систем стабилизации высокоскоростных аэростатов и многое другое. К сожалению, в Испании не оказалось тех, кто мог бы воспользоваться его изобретениями на практике. Патенты Кеведо закупила Франция и успешно запустила его детища в производство.

В первой трети XX века смело заявила о себе целая когорта испанской творческой интеллигенции. Представители ее отличались тонким эстетическим восприятием и ясными этическими критериями. Если перечислять их независимо от значимости вклада каждого в развитие культуры, то можно выстроить из них такой ряд.

Философ Анхель Ганивет своим трактатом «Испанская идеология» подготовил появление «поколения 98 года».

Многим, конечно, было обидно услышать от него, что испанская нация потеряла свою волю и энергию, утопила свои духовные силы, поэтому и не играла никакой заметной роли в мире.

Писатель Висенте Бласко Ибаньес широкую известность приобрел своими романами «Собор», «Кровь и песок», «Четыре всадника Апокалипсиса». Будучи редактором мадридской газеты, подвергался преследованиям за свои критические выступления в адрес католических иерархов. Нелестно отзывался о короле Альфонсе XIII, поддержавшем военный переворот генерала Примо де Риверы и предоставившем концессию германским военным промышленникам.

Поэт Антонио Мочадо гордился тем, что он патриот Испании и одновременно «друг человечества». Для него национальные обычаи представляют собой ценность только как неотъемлемая часть обычаев всех народов. Полагал, что в философском смысле будущее рода человеческого еще не осознанно, его прошлое еще не написано.

Писатель Пио Барроха близким себе по духу считал Достоевского. Автор романов-аллегорий и философских повестей приходил к выводам довольно пессимистическим: жизнь – это нелепый фарс, и бессмысленно говорить о поступательном прогрессе человечества, ибо повсюду царят жестокость, продажность, пошлость, обман. Поначалу он относил себя к анархистам-романтикам. В анархистах ему импонировала яркая дерзость, но экстремизм их методов в переустройстве общества вскоре заставил изменить к ним отношение.

Мигель де Унамуно называл себя «социалистом чувства». В душе у него, насколько он сам ее приоткрывал, происходила постоянная борьба между верой в Бога и разумным скептицизмом. Пытаясь разрешить это противоречие, философ встал все же на путь богоискательства, однако рациональное мышление никак не позволяло ему принять целиком веру в бессмертие души. Идею Бога он считал гипотезой, позволяющей как-то объяснить происходящее

и отражающей желание многих иметь какого-нибудь Верховного Творца и Судью. В своем труде «О трагическом смысле жизни» Унамуно уточнял: необходимо верить в другую, вечную жизнь и в жизнь земную, в которой каждый ощущает свое сознание переплетающимся с Высшим Сознанием, и верить в другую жизнь надо, чтобы переносить трудности жизни земной и придавать ей смысл.

Унамуно был ректором университета в Саламанке, читал лекции и не стеснялся ставить сложные вопросы отношений между государством и церковью. Он осмеливался даже утверждать, что несовместимо быть либералом и католиком одновременно, поскольку в Испании это считается нелогичным более, чем где-либо, из-за главенства там догматизма, мешающего развитию личности. Несговорчивых религиозных фанатиков и закоренелых атеистов относил к лживым лицемерам с низкими, варварскими страстями, которые предпочитают идти по слишком легкому пути в отстаивании своего мировоззрения. Католическое же духовенство, по его мнению, слишком часто встает на сторону региональных сепаратистов и раскольников, вносит разлад между странами и народами.

В представлении Унамуно, исторический процесс делится на историю официальную и историю подлинную, главную, чью нить тянут за собой народные массы. Вот здесь-то он и вынес достаточно безжалостный приговор устами одного персонажа своей новеллы «Святомученик Мануэль Добрый». Суть приговора: исконное зло Испании заключается в мужском безволии, когда священники верховодят женщинами, а женщины мужчинами, причем мужчинами, которые делают все так, чтобы не брать на себя никаких серьезных обязательств.

В ходе изучения устоявшихся форм национального бытия испанцев философ из Саламанки обнаружил в них еще и нечто «инквизиторское», призывал их перестать мыслить примитивно, безответственно и отнестись к происходящему у себя в стране с глубокой заинтересованностью, обсуждать именно принципиально важные для общества вопросы. Его выступление против военной диктатуры в 20-х годах закончилось ссылкой на Канарские острова. Под давлением мировой общественности власти разрешили ему вернуться. Но он уехал во Францию, откуда обратился к своим гонителям: «Вы даже не свора, вы – сволота, фашизофрениии бацилла. За вашим виват – пустота, а за пустотой – могила»...

Не хотели видеть свою родину «захолустьем Европы» многие представители творческой интеллигенции первой половины XX века. Среди них наиболее убедительно выражал свои взгляды философ Хосе Ортега-и-Гассет. «Нам нужно хорошенько потрясти и освежить наши головы, чтобы рождаемые там идеи приобретали общечеловеческое звучание, – говорил он. – Пора избавляться от допотопности мышления, решиться думать и чувствовать на длинной волне. Наша интеллигенция в массе своей совершенно нелюбознательна к происходящему и поэтому не есть интеллигенция. Европа презирает нас за то, что в Испании нет свободы сознания».

Ортега предостерегал своих соотечественников по поводу обострения социальных конфликтов и раскола общества на два непримиримых лагеря. Упорно настаивал на том, что человек становится действительно человеком только по мере развития в себе способности сознавать необходимость культуры и социальной справедливости. Интерпретацию социальных проблем, которую он предложил в своем «Восстании масс», с интересом восприняли за пределами Испании. Именно благодаря ему в испанском обществе наметился тогда более глубокий критический подход к традиционным идеологическим, политическим и религиозным постулатам, стало меньше боязни освободиться от пут клерикального засилья, обратиться к светским, демократическим ценностям. Своими оригинальными исследованиями Ортега прочно застолбил за собою место в общеевропейской академической библиографии по философии XX века...

Попутно и не праздности ради можно спросить себя, чем же характеризовалась Испания, вступившая в XX век, помимо боя быков, зажигательных цыганских танцев, кастаньет и олив-

кового масла. Тем, что от участия в Первой мировой войне отвел ее не пацифизм, а скорее отсутствие необходимой для этого военно-промышленной базы. Сразу же после войны страна погрузилась в новый социально-экономический кризис, вследствие которого резко упало клерикальное влияние, особенно среди интеллигенции, рабочей и студенческой молодежи. На все более решительные выступления левых партий реакция ответила диктатурой Примо де Риверы, ужесточением политических репрессий. В итоге радикальные настроения в обществе лишь возрастали.

Времена менялись. Испания больше уже не испытывала международной изоляции и не могла сама себя изолировать от остального мира. Ее острые внутренние проблемы, правда, не очень-то интересовали европейскую интеллигенцию. После потери Мадридом остатков колониальной империи страна блистала своим отсутствием на европейской политической сцене. Правящий режим там все еще воспринимался как нечто обветшалое, анахроничное.

Заинтересованное знакомство европейцев с Испанией началось в начале тридцатых годов под влиянием развивавшихся в ней поистине драматических событий. Способствовало этому и появление в ней таких ярких личностей, как поэт Федерико Гарсия Лорка, кинорежиссер Луис Бунюэль, художник Сальвадор Дали. Каждый из этой «великой испанской троицы» вносил свой вклад и в общеевропейскую культуру. Но вряд ли кто из них, закадычных друзей с юных лет, предчувствовал тогда, что ожидавшие Испанию тяжелейшие испытания заставят их жизненные пути разойтись кардинально.

Часть II (Анданте)

На всеобщих выборах 1931 года победу одержали сторонники республиканского правления. Король Альфонс XIII, дискредитировавший себя поддержкой диктатора Примо де Риверы, отрекся от престола и покинул страну. Новая Конституция лишала римско-католическую церковь статуса государственной, провозглашала свободу вероисповедания и равноправие всех религиозных конфессий. Потеряв свои привилегии, иерархи возмутились и принялись подстрекать верующих саботировать новую власть.

Острый конфликт между широкими слоями общества и церковью, надо отметить, возник задолго до прихода к власти республиканцев. В периоды крайнего обострения социальных противоречий, закончившихся только в одном XIX веке тремя гражданскими войнами, испанский клир всегда становился на сторону реакции. Все это приводило к вспышкам недовольства, погромам монастырей, стихийным расправам над священниками. Унижение не проходило бесследно.

В первые годы Испанской Республики настроения народа менялись и часто отнюдь не в сторону все большего оптимизма, ибо политики в Мадриде всячески тормозили процесс социально-экономических реформ. Осенью 1933 года старший сын генерала Примо де Риверы Хосе Антонио собрал разрозненные отряды ультраправых националистов и сколотил из них Испанскую Фалангу. Ее программа декларировала непринятие буржуазного либерализма, призывала к экспроприации крупной земельной собственности и национализации банков. Лозунги политические обильно сдабривались национал-католицизмом. Многие положения фалангисты позаимствовали у нацистов в Германии и фашистов в Италии.

В силу своей заскорузлой подозрительности вообще к идеологиям иностранного происхождения (хотя католицизм тоже не в Испании родился) епископы на первых порах настороженно присматривались к Фаланге. Да и лидер пришедших тогда к власти нацистов в Германии не жаловал тамошних католиков и на место традиционной христианской религии хотел поставить новую, светскую религию. Массовое проникновение нацистской пропаганды вызывало у высшего духовенства тревогу, а нацизм рассматривался им как следствие духовного кризиса, свойственного только Германии и неприменимого к Испании, стране с многовековым католическим наследием. (Можно подумать, у Германии такого наследия не было.)

Поначалу церковники по всему миру старались отстраняться от слишком противоречившей христианскому вероучению доктрины превосходства арийской расы. Тем не менее редко кто в Ватикане скрывал свое восхищение решимостью Гитлера избавиться от коммунистов и социал-демократов. Пусть даже лидер Фаланги Хосе Антонио избегал публично делать воздаяния фюреру и дуче, это не мешало ему охотно принимать от них финансовую помощь, выражая солидарность с их курсом на мировую экспансию...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.